

Ливень обрушился на шумный город, капли дождя барабанили по стеклу машины, создавая монотонный звук, навевающий тоску.

Вэнь Цзыцянь смотрел в окно. Уже стемнело, и размытые огни неона в дожде превращались в линии, когда машина мчалась вперёд. Разноцветные огни, переливающиеся тени — они быстро проносились мимо, будто машина стояла на месте, а двигались только эти маленькие разноцветные огоньки, превращаясь в линии, затем в полосы, создавая ощущение, будто он путешествует во времени.

Мерцающие огни отражались в голубых глазах Вэнь Цзыцяня, и на мгновение ему показалось, что он перемещается между прошлым и будущим.

В какое время вернуться? — подумал он.

Вернуться бы в то время, когда ему ещё не было шести лет, когда мама была жива, пела ему песни, рассказывала сказки, хвалила его голубые глаза, сравнивая их с сапфирами, ласково гладила его каштановые волосы и оставляла лёгкие поцелуи на его щеках.

Тогда возвращение домой было радостным, а не таким мёртвым, как сейчас.

Теперь он ненавидел возвращаться домой. Он предпочитал оставаться в школе, в пустом общежитии, одиноко съедая порцию лапши быстрого приготовления, лишь бы не видеть фальшивого семейного счастья дома.

И даже это фальшивое счастье не включало его.

Он нахмурился. Шестнадцатилетний бунтарь мысленно пережёвывал слова о мачехе и брате. По сравнению с его изящной и спокойной внешностью, мысли, роящиеся в голове, казались грязными и неприятными.

Он молча изливал свои чувства, а затем так же тихо проглатывал их, чувствуя облегчение. Его лицо снова становилось лицом невинного, благородного юноши.

Внезапно машина резко затормозила, и Вэнь Цзыцянь по инерции бросился вперёд, ударившись лбом о спинку переднего сиденья.

— Что случилось, дядя Ван? — спросил он, потирая лоб и едва сдерживаясь от боли.

Ван Вэй был старым слугой семьи Вэнь, водителем господина Вэня более десяти лет, человеком спокойным и уравновешенным. Именно поэтому господин Вэнь доверил ему задачу забрать Вэнь Цзыцяня.

Но сейчас Ван Вэй потерял самообладание. Он беспрестанно бормотал «всё кончено», выходя из машины.

Вэнь Цзыцянь увидел, как старик стоит перед капотом, его лицо, освещённое фарами, было бледным, а сам он, словно статуя, застыл под дождём, превратившись в мокрую курицу.

«Неужели сбили человека?» — промелькнула ужасная мысль в голове Вэнь Цзыцяня. Он поспешно вышел из машины и подошёл к старику.

Действительно, перед машиной лежал ребёнок в рваной одежде, похожий на нищего.

Ван Вэй дрожащими руками достал телефон, чтобы вызвать полицию. Вэнь Цзыцянь осторожно тронул нищего ногой.

Он никогда не видел мёртвых, поэтому в душе было немного страшно. Ему хотелось перевернуть нищего, чтобы убедиться, что он действительно мёртв, но он не решился.

Внезапно рука схватила его за штанину, и он чуть не вскрикнул от испуга.

Нищий поднял голову и, глядя на юношу в белой рубашке и тёмно-синих брюках, пробормотал:

— Голоден... я голоден...

...

Столовая семьи Вэнь была освещена ярким светом. С потолка свисала огромная хрустальная люстра, достигавшая двух этажей в высоту.

На длинном столе были расставлены изысканные блюда, различные десерты, хрустальные бокалы с вином.

Вэнь Юаньхан сидел во главе стола. Даже дома он был одет в чёрный костюм, сшитый из лучших материалов. Ему было сорок два года, расцвет мужской силы, и его мудрость и опыт отражались в его пронизательных глазах, лишённых эмоций, холодных и гордых.

Его лицо было строгим, черты — чёткими, волосы аккуратно зачёсаны назад. Даже сидя, он держал спину прямо, как будто стоял.

Слева от него сидела нынешняя миссис Вэнь, Пань Цинь, с большими глазами, ровным носом и полными губами. В этом году ей исполнилось тридцать шесть, и благодаря умелому макияжу она выглядела молодо и привлекательно, излучая мягкость и доброту.

Справа от Вэнь Юаньхана первое место было пустым.

На втором месте сидел второй сын, Вэнь Цзыи, унаследовавший красоту матери. К сожалению, сейчас он хмурился, выражая нетерпение, что выдавало его избалованный характер. Впрочем, ему было всего четырнадцать, и сидеть за столом с шести вечера больше часа было для него испытанием.

— Надоело, живот уже болит от голода. Пусть сам ест, когда вернётся. Что за важная птица, чтобы вся семья ждала? — с досадой пробурчал Вэнь Цзыи.

Пань Цинь бросила на сына предупреждающий взгляд, и он, хоть и неохотно, замолчал. Но, голодный и раздражённый, он не мог сдержаться:

— Лучше бы вообще не приходил.

Уже проголодавшись, он смотрел на еду, которую нельзя было трогать, и это вызывало раздражение.

Пань Цинь нахмурилась, думая: «Глупый мальчишка, неужели нельзя хоть немного потерпеть перед отцом?»

Как и ожидалось, Вэнь Юаньхан открыл рот, его низкий голос прозвучал строго:

— Это дом твоего старшего брата. Куда ему ещё идти?

Вэнь Цзыи съёжился, боясь этого строгого и не слишком ласкового отца, и замолчал, сдерживая недовольство.

На третьем месте сидела младшая дочь Вэнь Цзысюань. Ей только исполнилось десять, но она была очень сознательной. Хотя она была голодна, она сидела смиренно, сглатывая слюну, не жалуясь и не шумя.

Золотые часы с маятником пробили восемь часов.

Вэнь Юаньхан повернулся к стоящему рядом дворецкому:

— Где он?

Дворецкий тут же набрал номер. Это был уже шестой звонок за вечер. Он вышел в коридор, тихо сказал «да», «хорошо», «понял», затем вернулся и, слегка склонившись, доложил:

— Господин Вэнь, раненый ребёнок уже устроен, дядя Ван остался с ним, а люди, которых мы послали, уже забрали старшего молодого господина. Должно быть, скоро приедут.

Вэнь Юаньхан кивнул, его взгляд случайно упал на Вэнь Цзыи, который смотрел на стейк в тарелке, облизывая губы, и на Вэнь Цзысюань, которая сглатывала слюну.

— Ешьте.

Глава семьи дал разрешение, и все, кроме самого Вэнь Юаньхана, принялись за еду. Он лишь пригубил вино и продолжал ждать. Примерно через пятнадцать минут за дверью раздался голос:

— Старший молодой господин вернулся.

Он обернулся и увидел Вэнь Цзыцяня с рюкзаком за спиной, шагающего внутрь, оставляя мокрые следы на полу.

Волосы Вэнь Цзыцяня, мокрые от дождя, свисали на лицо. Его глаза, слегка приподнятые кверху, были настолько синими, что казались бездонными, а взгляд, которым он смотрел на людей, был холодным и презрительным, будто он смотрел на них с высока.

Пань Цинь взглянула на его мокрый вид, её раздражал его взгляд. «Лучше бы ты разбился», — подумала она, но на лице сохраняла образ заботливой мачехи. Она положила вилку, аккуратно вытерла уголки рта салфеткой, проглотила еду и мягко сказала:

— Иди переоденься и спускайся ужинать. Все ждали тебя два часа, только начали есть.

Вэнь Цзыи добавил:

— Я уже чуть не умер с голоду...

Но не успел закончить, как мать бросила на него острый взгляд, заставив замолчать.

Вэнь Цзысюань радостно встала, подбежала к Вэнь Цзыцяню и, взяв его за руку, сказала:

— Старший брат, почему ты так долго? Я скучала по тебе.

Хотя Вэнь Цзыцяню было всего шестнадцать, он был высоким и стройным, с широкими плечами, узкой талией, длинными ногами, значительно выше младшей сестры. Он погладил её по голове, опустив глаза:

— Иди ешь.

Сказав это, он, не поздоровавшись с Вэнь Юаньханом, поднялся наверх.

— Прими горячий душ и спускайся ужинать, — строго сказал Вэнь Юаньхан.

Вэнь Цзыцянь остановился на повороте и, глядя на семью, сидящую за столом, почувствовал раздражение. Юноша в переходном возрасте не умел скрывать эмоций, поэтому угрюмо сказал:

— Не хочу!

— Уже поздно, ты что, не голоден? Поспеши, слышишь? — нахмурился Вэнь Юаньхан.

Вэнь Цзыцянь не боялся отца, он прямо посмотрел на него в ответ:

— Не хочу, я не голоден.

Вэнь Юаньхан, прошедший через множество жизненных испытаний, был человеком сильным и решительным, но с этим своенравным старшим сыном ничего не мог поделать. Он был человеком, который уступал слабым, но противостоял сильным. Видя, как сын ведёт себя неуважительно, он разозлился:

— Не голоден? Тогда не ешь. Будь таким же упрямым и завтра!

Затем, чтобы подчеркнуть своё недовольство, он повернулся к дворецкому:

— Скажи всем, чтобы сегодня вечером старшему молодому господину не давали ни еды, ни воды, ни крошки!

<http://bllate.org/book/16224/1457275>